

• ВСЕ ВРЕМЯ •

ГЕНРИ КАТТЕР

Писатель, которого нельзя не любить!

МАСКА ЦИРЦЕН

Золотой фонд стилистической фантастики

Генри Каттнер

Тёмный мир

«Автор»

1946

Каттнер Г.

Тёмный мир / Г. Каттнер — «Автор», 1946

Роман «Тёмный мир» – самое знаменитое произведение данных авторов жанра «фэнтези», раскованной фантастики и яркой образности.

© Каттнер Г., 1946

© Автор, 1946

Содержание

1. Огонь в ночи	5
2. Зов рыжей ведьмы	8
3. Закрытые миры	12
4. Матолч и Медея	17
5. Ведьма в алом	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генри Каттнер. Тёмный мир

1. Огонь в ночи

На севере тонкая струйка дыма, извиваясь, поднималась в темнеющее небо. И вновь я почувствовал непонятный страх, жуткое желание куда-то убежать, преследующее меня так долго. Я знал, что на это не было причин. Это был всего лишь дым, поднимавшийся из болот, окружающих одно запущенное местечко, не далее пятидесяти миль от Чикаго, где люди давно уже победили суеверия стальными конструкциями и бетоном.

Я знал, что это обычный огонь костра, и все же подсознательно *я знал, что это не так*. Где-то в глубине души своей я знал, что это за огонь и кто стоит рядом с ним, глядя в мою сторону сквозь увешенные полками стены с огромным собранием книг моего дяди коллекционера, опиумными трубками искусной отделки, инкрустированными серебром, слоновой костью и золотом, золотые и бронзовые тантрические фигурки из Индии и шпагу... шпагу...

Сильные воспоминания зашевелились внутри меня – и сильный страх.

В два шага я оказался рядом со шпагой, сорвал ее со стены, крепко охватив пальцами рукоятку. Не совсем понимая, что я делаю, подошел к окну и вновь уставился на далекий дым. Шпага была зажата в моей руке, но чувство оружия было фальшивым, не успокаивающим, не таким, какое должно было бы быть у человека, державшего в руках оружие, когда-то заливавшее мир кровью.

– Спокойно, Эд.

Глубокий голос моего дяди послышался за моей спиной.

– В чем дело? Ты выглядишь немного... дико.

– Не та шпага. Другая находится в Камбодже. Она один из трех талисманов короля Огня и королевы Воды. Три великих талисмана – фрукт «хьюи», который всегда остается свежим, раттан с цветами, которые никогда не вянут, и шпага «Янь», охраняющая дух.

Мой дядя уставился на меня сквозь клубы дыма.

– Ты изменился, Эд, – сказал он глубоким, мягким голосом. – Ты сильно изменился. Я думаю, это из-за войны, этого следовало ожидать. И ты болен. Но ты раньше никогда не интересовался такими вещами. Мне кажется, ты слишком много времени проводишь в библиотеке. Я надеюсь, что отпуск тебе поможет. Отдых...

– Я не желаю отдыхать, – яростно возразил я. – Я провел полтора года, отдыхая на Суматре. Ничего не делал, только отдыхал в этой маленькой вонючей деревушке в джунглях и все ждал, ждал и ждал.

Я видел ее перед глазами, чувствовал ее запах. Я снова чувствовал лихорадочную дрожь, которая сотрясала мое тело, когда я лежал в общинной хижине, объявленной табу.

Ум мой перенесся на восемнадцать месяцев назад, в тот последний час, когда все в моей жизни перевернулось, но я был еще нормальным человеком. Вторая мировая война близилась к завершению, и я летал над джунглями Суматры. В войне, конечно, нет ничего ни хорошего, ни нормального, но до того ослепляющего мгновения в воздухе я был нормальным человеком, уверенным в себе, уверенным в своем месте в жизни, и не мучился тем, чего никак не мог вспомнить.

Затем мгновенно и внезапно все исчезло. Я был в сознании, но исчез, этого не могло быть, но было. Единственные повреждения, которые я получил, произошли при ударе самолета, но это были простые царапины. Я остался цел и невредим, но слепота и непонимание пришли ко мне.

Дружелюбные батаки нашли меня в покалеченном самолете. Они выходили меня от лихорадки и припадков ярости своими странными, грубыми, но очень эффективными методами лечения. Но никогда мне не приходило в голову, что они оказали мне большую услугу, чем то, о чем я сказал. Только у их шамана закрались подозрения, что со мной что-то не так.

Он о чем-то догадывался. Он произносил свои загадочные, странные заклинания, что-то делая с веревкой с завязанными на ней узлами и пригоршней риса, потея от напряжения, которого я не понимал тогда.

Я помню разрисованную уродливую маску, нависающую надо мной из темноты, руки,двигающиеся странными, властными жестами.

– Вернись, о душа, где бы ты ни пряталась, в лесах, в горах или в реках. Смотри, я вызываю тебя, *тоэмба брас*, яйцо истины Раджи, *моелиджа*, одиннадцать целебных хинных листьев...

Да, они сначала жалели меня все. Шаман был первым, кто почувствовал что-то не то, и ко мне стали относиться настороженно. Я чувствовал, как увеличивается эта настороженность, как меняется отношение ко мне. Они боялись не меня, я был в этом уверен, но чего?

До того времени, как вертолет прилетел забрать меня обратно в цивилизованный мир, шаман немного рассказал мне. Возможно, столько, сколько осмелился.

– Ты должен прятаться, сын мой. Всю свою жизнь ты должен прятаться. Что-то ищет тебя...

Он произнес слово, которого я не понял.

– И оно пришло из другого мира. Помни, все магические предметы должны быть для тебя табу. А если и это не поможет, то, может быть, тебе удастся найти волшебное оружие. Но мы не можем помочь тебе. Наши силы недостаточно могущественны для этого.

Он был рад, когда я улетел. Все были рады. И после этого я не находил себе места, потому что что-то полностью изменило меня. Лихорадка? Возможно. По крайней мере, я не чувствовал себя тем человеком, что был раньше. Сны, воспоминания – меня что-то преследовало, как будто где-то когда-то я оставил жизненно важную работу незаконченной...

Я почувствовал, что могу говорить свободнее всего с моим дядей.

* * *

С меня как будто спала пелена. Пелена тумана. Я более ясно стал понимать многое, вещи, казалось, приобрели другой смысл. Со мной происходят вещи, которые показались бы мне невероятными раньше. Но не сейчас.

– Ты ведь знаешь, я много путешествовал. Это не помогло. Всегда что-то напоминает мне. Амулет в окне лавки старьевщика. Опал, похожий на кошачий глаз, и две фигурки. Я постоянно вижу их во сне. А однажды...

Я замолчал.

– Да, – мягко подсказал мне дядя.

– Я был в Новом Орлеане. Однажды ночью я проснулся, рядом со мной в комнате кто-то был. Совсем близко. У меня под подушкой был пистолет – особый пистолет. Когда я схватил его, она... назовем ее собакой... выскочила из окна. Только она не совсем напоминала формой собаку.

Я заколебался, но продолжал.

– В пистолете были серебряные пули, – сказал я.

Мой дядя молчал долгое время. Я знал, о чем он думает.

– А другая фигура? – наконец спросил он.

– Не знаю. На ней надет капюшон. Мне кажется, она очень стара. И кроме этих двух...

– Да?

– Голос. Очень нежный голос. Зовущий. Огонь. И за огнем лицо, которое мне ни разу не удалось увидеть ясно.

Мой дядя кивнул. В комнате становилось темно, и я с трудом различал черты его лица, а дым снаружи растворялся в тенях ночи... Но слабое мерцание все еще было видно среди деревьев... Или это было только моим воображением?

Я кивнул на окно.

– Я видел этот огонь раньше, – сказал я дяде.

– Что в этом странного? Отдыхающие всегда разводят костры.

– Нет. Это Огонь Нужды.

– Это еще что такое?

– Это ритуал, – сказал я. – Как костры шотландцев, которые они разводят в середине лета. Но Огонь Нужды разводится только во время несчастий. Это очень старый обычай.

Дядя отложил свою трубку и наклонился вперед.

– В чем дело, Эд? Ты хоть сам понимаешь, что говоришь?

– Я думаю, что психологически это можно назвать комплексом преследования, – медленно ответил я. – Я... верю в то, что раньше не принимал всерьез. Мне кажется, что кто-то пытается разыскать меня, что он *уже* разыскал меня. И зовет. Кто это, я не знаю. И что от меня хотят, я тоже не знаю. Но некоторое время назад я разыскал еще одну вещь – шпагу.

Я поднял ее со стола, сделав выпад.

– Это не то, что мне надо, – продолжал я. – Но иногда, когда мой ум... блуждает, что-то снаружи заполняет его. Например, необходимость иметь шпагу. И не просто шпагу – одну единственную. Я не знаю, как она выглядит. Но я сразу узнал бы ее, если бы держал в руке.

Я засмеялся.

– И если бы я вытащил ее из ножен, я сумел бы задуть этот огонь, как пламя свечи. А если бы я вытащил ее полностью, то всему миру пришел бы конец!

Мой дядя кивнул головой. После минуты молчания он заговорил.

– Врачи, что они говорят? – спросил он.

– Я знаю, что они скажут, если я обращусь к ним, – угрюмо ответил я. – Полное сумасшествие. Если бы я в этом был уверен, мне было бы легче. Прошлой ночью убили одну собаку, ты знаешь об этом?

– Конечно. Старого Герцога. Его видно загрызла собака с соседней фермы.

– Или волк. Тот самый волк, который проник ко мне в комнату прошлой ночью и стоял надо мной, как человек, и отрезал клоч моих волос.

За окном, далеко, что-то вспыхнуло и вновь ушло в темноту. Огонь Нужды.

Мой дядя поднялся со своего места и стоял, глядя на меня в сумерках. Он положил свою большую руку мне на плечо.

– Думаю, что ты болен, Эд.

– Ты думаешь, что я сумасшедший. Что ж, может быть и так. Но у меня предчувствие, что скоро я это узнаю – так или иначе.

Я поднял шпагу в ножнах и положил ее себе на колени. Мой дядя опять сел, и долгое время мы сидели в молчании.

В лесу на севере ровно горел Огонь Нужды. Я не мог его видеть. Но его пламя кипело в моей крови – опасно, злобно.

2. Зов рыжей ведьмы

Я не мог заснуть. Нечем было дышать – жаркая духота летнего вечера накрыла меня, как одеялом. В конце концов я не выдержал, встал и отправился в гостиную, беспомощно ища сигареты. Из открытой двери до меня донесся голос дяди:

– Все в порядке, Эд?

– Да. Не могу заснуть. Может быть, почитаю на ночь.

Я взял первую попавшуюся книгу, откинулся в удобном кресле и зажег настольную лампу. Стояла мертвая тишина. Я не слышал даже плеска волн на пляже озера.

Мне чего-то не хватало.

Рука снайпера в трудную минуту всегда будет искать гладкую металлическую или деревянную поверхность несуществующего оружия. Точно так же и моей руке хотелось почувствовать что-то, мне казалось, что ни ружье, ни шпагу. Я не мог вспомнить, что это за оружие, которым я пользовался раньше.

Мой взгляд упал на кочергу, лежащую у камина, и я совсем было подумал, что это то, что нужно, но чувство это промелькнуло и сразу же пропало.

Книга оказалась популярным романом. Я быстро пролистал страницы, просматривая ее. Смутное, далекое биение моего пульса не исчезало. Оно, напротив, нарастало, поднимаясь из подсознания. Далекое возбуждение, казалось, нарастало в моей душе.

Скривив лицо, я поднялся и поставил книгу на место. На мгновение я остановился перед полкой, пробегая глазами по корешкам книг. Повинуясь безотчетному чувству, я вытащил том, которым не пользовался уже много лет – молитвенник.

Он открылся в моих руках. На глаза мне попалось предложение: "И я пришел, и чудовища окружили меня".

Я поставил книгу на место и вернулся в кресло. Настольная лампа раздражала меня, и я нажал на выключатель. Тут же лунный свет залил комнату, и тут же странное чувство ожидания чего-то вернулось ко мне с удвоенной силой, как будто опустился неведомый барьер.

Вложенная в ножны шпага все еще лежала на подоконнике. Я посмотрел мимо нее на небо в легких облачках, среди которых светила луна, сверкая серебристым светом. Далеко-далеко виднелось слабое сияние – Огонь Нужды, он все еще горел на болотах.

И он звал.

Золотистый квадрат окна притягивал с гипнотической силой. Я откинулся на спинку кресла, полузакрыв глаза, и чувство опасности холодной волной обдало мой мозг. Несколько раз я слышал этот зов, влекущий меня, но всегда я находил в себе силы сопротивляться ему.

На этот раз я заколебался.

Локон, отрезанный с моей головы – может быть, это он придал моим врагам новые силы? Суеверие. Логика подсказала мне эту мысль, но глубокое внутреннее убеждение говорило, что старинное колдовство с волосами не было просто болтовней. С тех пор, как я побывал на Суматре, я стал куда менее скептическим. И с тех пор я занялся изучением.

Это были странные книги, начиная от белой магии и кончая сказками о вызывании духов и демонов. Но я прочел все очень быстро.

Как будто я повторил курс, освежив в памяти то, что давным-давно знал. Только одно тревожило меня – что бы я ни читал, я непременно наткнулся на ссылки на темную силу.

Этой силой была сама вечность, которая в фольклоре была известна под многими именами: Черный человек, Сатана, Люцифер, Кутчи, австралийский Диерис, Тунья у эскимосов, Абонсам в Африке, Страттели в Швейцарии.

Я не занимался изучением Дьявола – у меня и не было в этом нужды. Мне все время снился один сон, который не мог быть ничем иным, как какой-то черной силой, которая пред-

ставляла собой зло. Я стоял перед золотистым квадратом окна, очень испуганный, но стремящийся к какому-то совершенству, которого желал всеми силами. И глубоко внутри светящегося квадрата начиналось какое-то движение. Я знал, что следует сделать определенное церемониальное движение, прежде чем начнется ритуал, но невыносимо трудно было избавиться от ощущения, парализовавшего все мои члены.

Квадрат, похожий на залитое лунным светом окно передо мной, похожий, но не такой же.

Потому что сейчас меня не охватывал холодный страх. Скорее тот напев, который я слышал, был мягким, успокаивающим, как женский баюкающий голос.

* * *

Золотистый квадрат заколебался, затуманился, и маленькие змейки света сверкнули мне в глаза. Низкое пение очаровывало, лишало сил.

Золотые змейки бегали взад и вперед, как будто в удивлении. Они дотронулись до лампы, стола, ковра и отступили. Потом они дотронулись и до меня. И сразу зазмеились еще быстрее! Я даже не успел испугаться, а они уже окружили меня, сжали в своих объятиях, окутывая золотистым покрывалом сна. Напев стал громче, и я поддался ему.

Мое тело дрожало, как тело сатира Марсия при звуках его родных фригийских мелодий! Я знал этот напев... Я знал это... заклинание!

Сквозь золотистый свет исчезающего окна прокралась – нечеловеческая – с янтарными глазами и лохматой рукой – тень волка.

Она заколебалась, вопросительно посмотрела через плечо и сразу же появилась еще одна фигура, в плаще с капюшоном, так что не было видно ни лица ее, ни тела. И была она маленькой – маленькой как ребенок.

Волк и фигура в капюшоне висели в золотом тумане, наблюдая и ожидая. Можно было различить звуки и слова, издаваемые ими. Слова, ни на одном из земных языков не звучавшие, но я их знал.

– Ганелон! Я зову тебя, Ганелон! Печатью, скрепляющей твою кровь – заклинаю – услышь меня!

Ганелон. Ну конечно же, это было мое имя. Я так хорошо знал его.

Но кто меня называл так?

– Я звала тебя раньше, но путь был закрыт. Сейчас через пропасть перекинут мост. Приди ко мне, Ганелон!

Вздых.

Волк оглянулся через худое плечо, оскалил клыки. Фигура в капюшоне склонилась надо мной. Я почувствовал пронзительный взгляд из темноты капюшона, и леденящее дыхание коснулось моего лица.

– Он позабыл, Медея, – сказал нежный тоненький голос, похожий на голос ребенка.

Опять вздох.

– Так он забыл меня? Ганелон, Ганелон! Неужели ты забыл руки Медеи, губы Медеи?

Я заворочался, убаюканный золотым туманом.

– Он забыл, – сказала фигура в капюшоне.

– Пусть, все равно он придет ко мне. Ганелон! Огонь Нужды горит. Врата в Темный Мир открыты. Огнем и водой, воздухом и землей заклинаю тебя! Ганелон!

– Он позабыл!

– Несите его. Теперь у нас есть власть.

Золотая пелена стала плотнее. Волк с горящими глазами и фигура в капюшоне подплыли по воздуху ко мне. Я почувствовал, как меня подняли и понесли вопреки моей воле.

Окно широко распахнулось. Я увидел шпагу в ножнах, готовую к битве. Я схватился за нее, но не смог противиться тому стремительному отливу, который уносил меня вдаль. Волк и напевающая тень плыли вместе со мной.

– Огонь. Несите его к Огню.

– Он все позабыл, Медея.

– К Огню, Эйдерн, к Огню.

Искривленные деревья проплывали мимо меня. Далеко впереди я увидел сверкание. Оно становилось все больше и больше. Это польхал Огонь Нужды.

Отлив нес меня все дальше и дальше. В Огонь.

Не к Кэр Ллиру!

Из глубин моей памяти появились эти загадочные слова. Волк с янтарными глазами вздрогнул и посмотрел на меня, фигура в капюшоне плотнее запахнулась в свою мантию. Я почувствовал поток ледяного воздуха в окружающем нас тумане.

– Кэр Ллир, – детским нежным голоском прошептала Эйдерн, фигура в капюшоне. – Он помнит Кэр Ллир, но помнит ли он Ллира?

– Он вспомнит! Он несет в себе печать Ллира! И в Кэр Ллире, замке Ллира, месте Ллира, он вспомнит!

Огонь Нужды возносился в небо совсем недалеко от меня. Я сопротивлялся что было силы влекущему меня отливу.

Я поднял свою шпагу и откинул ножны прочь.

Я начал рубить золотистый туман, окутывающий меня.

Старинная сталь разрезала клубящийся туман, и он стал отступать под ее ударами – а потом вновь сомкнулся. В гармоничном напеве наступил на мгновение перерыв, мертвящая тишина. Затем...

– Матолч! – вскричал неведомый голос. – Лорд Матолч!

Волк прижался к земле, оскалил клыки. Я ударил по его рычащей морде. Он легко избежал удара и прыгнул на меня.

* * *

Он схватил шпагу зубами и вырвал ее из моей руки.

Золотистый туман вновь приблизился, обволакивая меня теплым облаком.

– Кэр Ллир, – ласково шептали голоса.

Огонь Нужды поднимался вверх алым фонтаном. Из недр Огня поднялась женщина. Волосы, темные, как сама ночь, мягкой волной падали до ее прекрасных ног. Из-под ровных бровей она бросила на меня взгляд – взгляд, в котором содержался вопрос и неукротимая воля. Она была сама красота. Темная красота.

– Лилит. Медея, ведьма Колхиды.

Я отшатнулся и...

– Врата закрываются, – произнес детский голос Эйдерн.

Волк, все еще держащий в зубах мою шпагу, тревожно прижал уши. Но женщина в огне больше не сказала ни слова.

Золотистые облака толкали меня к ней, и она распахнула мне свои объятия.

Волк и фигура в капюшоне прижались к нам. Прекрасный, грустный напев поднялся до тревожного рева, перешедшего в гром, который, казалось, мог разрушить планету.

– Это трудно, трудно, – сказала Медея. – Помогите мне, Эйдерн, лорд Матолч.

Огонь угасал. Вокруг нас расстилались залитые лунным светом болота, а серая пустота – не имевшая очертаний пустота, окружала их и простиралась до бесконечности. Даже звезд не было видно.

Теперь в голосе Эйдерн появился страх:

– Медея, у меня нет сил... Я слишком долго оставалась в мире Земли.

– Открой врата! – вскричала Медея. – Открой их хоть немного, или мы останемся здесь между миров навсегда.

Волк пригнулся и зарычал. Я почувствовал, как из его тела выливается стремительный поток энергии. Мозг его не был мозгом зверя.

Вокруг нас золотистый туман стал растворяться. Подкрадывалась серая пустота.

– Ганелон! – сказала Медея. – Ганелон! Помоги мне!

Пелена упала с моего мозга. Бесформенная тень начала заполнять его.

Я почувствовал, как эта бесформенная тень заполняет все мое существо, обдавая мозг черными волнами.

– У него есть власть, – прошептала Эйдерн. – Он – посвященный Ллира. Пусть он вызовет его – Ллира.

– Нет, нет. Я не смею. Ллир?

Но лицо Медеи было вопросительно повернуто ко мне.

У моих ног волк страшно зарычал и весь напрягся, как будто пытаюсь грубой физической силой открыть врата между мирами.

Теперь я уже весь был погружен в черное море бесформенности. Мысль моя полетела вперед и наткнулась на пространство темного ужаса, бесконечного, необъятного, а затем... прикоснулась к чему-то...

Ллир... *Ллир!*

– Врата открываются, – сказала Эйдерн.

Серой пустоты больше не было. Золотистые облака потускнели и исчезли. Вокруг меня поднимались к потолку белые колонны. Мы стояли на небольшом возвышении, на помосте с нарисованными на нем странными фигурами и узорами.

Злая волна, прокатившаяся по мне, исчезла, но, страдая от ужаса и жалости к самому себе, я упал на колени, прикрывая руками глаза.

Я вызвал *Ллира*.

3. Закрытые миры

Я проснулся с болью в каждом мускуле своего тела и лежал неподвижно, глядя на низкий потолок. Воспоминания нахлынули на меня. Я повернул голову, поняв, что лежу на мягкой постели с горой подушек в меблированной комнате. В конце ее было окно в нише, по-видимому, прозрачное, потому что оттуда проникал свет. Но за ним я видел лишь туманные отблески.

Рядом со мной, на трехногом стуле, сидела крохотная фигурка в плаще, которую я знал как Эйдерн.

Даже сейчас я не видел ее лица – тень, отбрасываемая капюшоном, была слишком глубока. Я почувствовал на себе ее пронзительный, настороженный взгляд и запах чего-то незнакомого, холодного и смертельно опасного. Плащ, в который была закутана зловещая фигурка, напоминал мантию. Он был плотен, груб, даже на взгляд, и окрашен в уродливый серебристый цвет, создававший безжизненное впечатление.

Приглядевшись, я понял, что это создание было не более четырех футов высоты. Я услышал нежный детский голос, по которому невозможно было определить ее пол.

– Не хотите ли есть, лорд Ганелон? Или пить?

Я откинул шелковое покрывало и сел на постели. На мне были надеты тонкая, мягкая серебристая туника и брюки из того же материала. Эйдерн, по-видимому, не шевельнулась, но внезапно портьеры в стене раздвинулись, и в комнату бесшумно вошел человек с накрытым подносом. Вид его как-то успокаивал. Это был высокий человек, сильный, мускулистый, под его шлемом с плюмажем, как у этрусков, на меня смотрело мужественное, загорелое лицо. Я думал так до тех пор, пока не встретился с ним глазами. Потому что в двух красивых голубых озерах утонул страх. Это был странный страх, очень знакомый, хотя он притаился глубоко-глубоко в его взгляде.

Он молча обслужил меня и молча удалился.

Эйдерн кивнула в сторону подноса:

– Ешь и пей. Ты станешь сильнее, лорд Ганелон.

На подносе было мясо, немного странный хлеб и стакан бесцветной жидкости, не воды, судя по вкусу. Я сделал глоток побольше и поставил стакан на место. Потом взглянул на Эйдерн.

– Значит, я все-таки не сумасшедший, – сказал я задумчиво и замолк, ожидая ответа.

– Нет. Душа твоя блуждала. Сам ты был в ссылке, но теперь ты опять дома.

– В Кэр Ллире? – спросил я, сам не зная почему.

Эйдерн затрясла своим плащом.

– Нет. Но ведь ты должен помнить.

– Я ничего не помню. Кто ты? Что со мной произошло?

– Ты знаешь, что твое имя Ганелон?

– Меня зовут Эдвард Бонд.

– И все-таки ты почти вспомнил – у Огня Нужды, – сказала Эйдерн. – Это потребует времени. А опасность существует всегда. Кто я? Я Эйдерн, я служу Совету.

– И ты...

– Женщина, – ответила она тем же детским нежным голоском, в котором сейчас звучал смех. – *Очень старая* женщина, самая старая в Совете, который сократился от первоначальных тринадцати. В нем, конечно, Медея, лорд Матолч...

Тут я вспомнил волка.

– ...Гаст Райми, который имеет сил больше, чем у каждого из нас, но который слишком стар, чтобы ими пользоваться. И ты, лорд Ганелон, или Эдвард Бонд, как ты себя называешь.

Нас осталось всего пятеро. Когда-то нас были сотни. Но даже я не помню этого времени, хотя Гаст Райми все вспомнит, если захочет.

Я обхватил голову руками.

– Великие небеса, я ничего не понимаю, твои слова для меня пустой звук. Я даже не знаю, где нахожусь!

– Послушай, – сказала она, и я почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу. – Ты должен понять. Просто ты потерял память.

– Это неправда.

– Это *правда*, лорд Ганелон. Твои истинные воспоминания были стерты и заменены на искусственные. Все, что ты считаешь своей жизнью на Земле – ложно. Ничего этого не было. По крайней мере, если и было, то не с тобой.

– На Земле? Я не на Земле?

– Это другая планета, – сказала она. – Но это твоя родина. Ты родился здесь. Повстанцы – наши враги – отправили тебя в ссылку и поменяли твои воспоминания.

– Это невозможно.

– Подойди сюда, – сказала Эйдерн и подошла к окну.

Она к чему-то прикоснулась, и стекло стало совсем прозрачным. Я смотрел через ее голову на пейзаж, который никогда не видел раньше. Или видел?

* * *

Под тусклым красным солнцем лес внизу купался в кровавом свете. Я глядел на него со значительной высоты и не мог рассмотреть детали, но мне казалось, что деревья были странной формы, и что они двигались. По направлению к далеким холмам текла река. Над лесом возвышались несколько белых башен. Это было все. Но вид красного, огромного солнца сказал мне достаточно. Это была не та Земля, которую я знал.

– Другая планета?

– И даже более того, – сказала она. – Мало кто в Темном Мире это знает. Но я – знаю, и, к несчастью для тебя, узнали некоторые другие. Во вселенной существуют вероятностные миры, дивергентные в потоке времени, но почти идентичные, если, конечно, не расходятся слишком далеко. – Я ничего не понял.

– Миры, существующие и несуществующие во времени и пространстве, но отдаленные другим измерением, вероятностной вариацией. Этот мир мог быть твоим, если бы что-то не произошло давным-давно. Первоначально Темный Мир и Земля были одним неразделенным в пространстве-времени миром. Потом было принято решение – очень важное решение, хотя я не уверена точно, в чем оно заключалось. С этого мгновения временной поток разделился, и два варианта миров начали существовать там, где раньше был один.

Вначале они оставались абсолютно идентичными, за тем исключением, что в одном из них не было принято ключевое решение. А результаты получились совершенно различными. Это произошло сотни лет тому назад, но оба мира еще очень близки один от другого во временном потоке. С неизбежностью они отдаляются все дальше и дальше друг от друга и становятся все меньше похожи один на другой. Пока же они настолько сходны, что человек на Земле имеет своего двойника в Темном Мире.

– Двойника?

– Человека, которым он мог бы быть, если бы ключевое решение не было принято века назад в этом мире. Да, двойники – Ганелон – Эдвард Бонд. Теперь ты понимаешь?

Я вернулся к постели и сел на нее, нахмурившись.

– Два мира сосуществуют. Это я могу понять. Но я думаю, что ты хотела сказать больше, чем сказала, о существовании моего двойника.

– Ты родился в Темном Мире. Твой двойник, истинный Эдвард Бонд, родился на Земле, повстанцы же обладают достаточными знаниями, чтобы поменять переменные времени. Мы сами изучили этот метод значительно позже, хотя когда-то он хорошо был известен Совету. Повстанцы меняли переменные и послали тебя – Ганелона – на Землю, чтобы Эдвард Бонд мог появиться среди них здесь. Они...

– Но зачем? – перебил я ее. – Для чего это им понадобилось?

Эйдерн повернулась ко мне, и я почувствовал в очередной раз странный, далекий холод, когда она уставилась на меня своими невидимыми глазами.

– Для чего им это понадобилось? – отозвалась она своим нежным детским голосом. – Думай, Ганелон. Посмотрим, удастся ли тебе это вспомнить.

Я стал думать. Я закрыл глаза и попытался расслабиться, чтобы воспоминания Ганелона выплыли на поверхность моего ума. Я все еще никак не мог привыкнуть к мысли о том, что со мной произошло, хотя это объясняло многое. Это даже объясняло бы – внезапно вспомнил я – и странную потерю сознания в самолете, когда я пролетал над джунглями Суматры, и дальнейшие события, когда все казалось мне каким-то не таким.

Возможно, именно в эту минуту, в самолете, Эдвард Бонд оставил Землю, а Ганелон занял его место. Оказалось двое близнецов, занявших чужие места и потому слишком испуганных и слишком беспомощных, чтобы что-нибудь понять.

Но это было невозможно!

– Нет, не помню! – резко сказал я. – Этого не могло быть. Я знаю, кто я. Ты не можешь доказать мне, что все это только иллюзия. Все слишком ясно, слишком четко.

– Ганелон, Ганелон...

Эйдерн подошла ко мне, и в голосе ее звучала укоризна.

– Подумай о восставших племенах. Попытайся, Ганелон. Попытайся вспомнить, почему они сделали с тобой все это. Лесные жители, Ганелон, непослушные маленькие человечки в зеленом. Ненавидистые человечки, которые угрожают нам. Ганелон, это ведь ты, конечно, помнишь?

Может быть, это был определенного рода гипноз. Я подумал об этом позже. Но в этот момент в моем мозгу вспыхнула картина: я увидел одетую в зеленые одежды толпу, пробирающуюся по лесу, и при виде ее почувствовал неожиданную горячую злость. В этот момент я и в самом деле был Ганелоном, великим могущественным лордом, ненавидящим этих людей, недостойных завязывать шнурки моих ботинок.

– Конечно, ты ненавидишь их, – прошептала Эйдерн.

Она, наверное, заметила выражение моего лица. Когда она заговорила, я почувствовал, что сижу в непривычной для себя позе. Плечи мои были горделиво расправлены, грудь выпячена вперед, а губы извивались в презрительной усмешке. Так что, возможно, она и не прочитала моих мыслей. То, что я думал, можно было видеть по моему лицу и осанке.

– И, конечно же, ты наказывал их, где и когда мог, – продолжала она. – Это было твоим правом и обязанностью. Но они обманули тебя, они оказались хитрее. Они нашли дверь, которая поворачивалась на временных осях, и вышвырнули тебя в другой мир. По другую сторону этой двери был Эдвард Бонд, который не питал к ним ненависти. Поэтому они и открыли дверь.

* * *

Эйдерн слегка повысила голос, и я уловил в нем насмешку.

– Фальшивые воспоминания, фальшивые воспоминания, Ганелон. Вместе с личностью Эдварда Бонда ты приобрел и его прошлое, но он пришел в наш мир таким, каким был, ничего не зная о Ганелоне. Он причинил нам много беспокойства, друг мой, доставил много хлопот. Сначала мы не поняли, что случилось. Нам сначала просто казалось, что Ганелон не просто

исчез из нашего Совета, а появился среди повстанцев, организуя их на борьбу против собственного народа с какой-то совершенно непонятной целью.

Она мягко засмеялась.

– Нам пришлось поднять Гаста Райми из его сна, чтобы он руководил нами. Но в конце концов, изучив метод поворота осей времени, мы попали на Землю, искали тебя и нашли. А теперь перенесли тебя сюда. Это твой мир, Ганелон! Примешь ли ты его?

Я помотал головой, как во сне.

– Все это нереально. Я остаюсь Эдвардом Бондом.

– Мы можем вернуть тебе истинные воспоминания, и мы это сделаем. На какой-то момент они уже появились на поверхности твоего мозга, но на все это нужно время. А тем временем ты один из Совета, возможно, самый могущественный из всех нас. Вместе с Матолчем вы были...

– Подожди минутку, – сказал я. – Я все еще не совсем понимаю. Матолч? Это тот самый волк, которого я видел? Почему ты говоришь о нем так, как будто он человек?

– Но он и есть человек – время от времени. Он *ликантроп*. Может менять свой образ по желанию.

– Оборотень? Это невозможно. Это миф. Какие-то странные суеверия.

– С чего начался миф? – спросила Эйдерн. – Давным-давно много врат было открыто между Темным Миром и Землей. На Земле воспоминания об этих днях сохранились как суеверия, но их корни уходят в действительность.

– Это суеверия и ничего больше, – убежденно сказал я. – Вы просто утверждаете, что существуют оборотни, вампиры и всякие прочие выдумки.

– Гаст Райми может рассказать тебе о них больше, чем я. Но мы не должны будить его ради такого пустяка. Может быть, я... Ну что ж, слушай. Тело состоит из клеток. Клетки могут приспособляться в определенных пределах. Если приспособляемость увеличить еще в большей степени, тогда процесс метаболизма ускоряется настолько, что возможно появление оборотней.

Нежный детский голосок произносил слова из-под накинутаго капюшона. Я начинал немного понимать. На Земле, когда я проходил в колледже биологию, я видел под микроскопом взбесившиеся клетки, клетки-мутанты и тому подобное. И среди людей было много случаев, когда они зарастали, как волки, волосами по всему телу.

А если клетки смогли приспособиться *быстро*? Странные вещи тогда могли произойти.

Но кости? Специальная костная ткань, так непохожая на клетки человека? Физиологическая структура, которая могла бы изменяться таким образом, что человек превращается в волка? Она должна быть уникальна!

– Частично это иллюзия, – сказала Эйдерн. – Матолч обладает вовсе не такой звериной фигурой, как это кажется. И тем не менее, он может менять свою форму и часто это делает.

– Но как? – спросил я. – Откуда у него такая сила?

– Он... мутант, – Эйдерн впервые за время беседы заколебалась. – Среди нас в Темном Мире много мутантов. Некоторые из них заседают в Совете, остальные – нет.

– Ты тоже мутант? – спросил я.

– Да.

– И тоже... можешь менять свою форму?

– Нет, – ответила Эйдерн, ее тонкое тело под покрывалом, казалось, задрожало. – Нет, я не могу менять свою форму, лорд Ганелон. Ты не помнишь, что... я могу?

– Нет.

– И тем не менее, я обладаю силой, которая может тебе пригодиться, когда повстанцы вновь нападут на нас, – медленно сказала она. – Да, среди нас много мутантов и возможно

именно поэтому произошло наше отделение от Земли много веков тому назад. На Земле нет мутантов – по крайней мере, такого типа, как у нас. Матолч не единственный.

– А я не мутант? – очень мягко спросил я.

Она покачала головой.

– Нет. Потому что ни один мутант не может иметь в своей крови печати Ллира. Ты был посвящен. Один из Совета должен иметь ключ к Кэр Ллиру.

Холодное дыхание страха вновь на мгновение коснулось меня. Нет, не страха. Ужаса, смертельного, перехватывающего дыхание, кошмарного ужаса, который всегда охватывал меня при упоминании имени Ллира.

Я заставил себя спросить.

– Кто такой Ллир?

Наступило долгое молчание.

– Кто говорит о Ллире? – раздался позади меня глубокий голос. – Лучше не поднимать *эту* завесу, Эйдерн!

– И тем не менее, это может оказаться необходимым, – ответила она.

Я повернулся и на фоне черной портьеры увидел стройную фигуру человека, одетого, как и я, в тунику и брюки. Его рыжая борода дерзко выпирала вперед. Улыбка – оскал полных губ – о чем-то напоминала. В каждом движении его подвижного тела чувствовалась кошачья грация. Желтые глаза смотрели на меня с удивлением.

– Молись, чтобы в этом не было необходимости, – сказал человек. – Ну, лорд Ганелон, неужели ты забыл и меня тоже?

– Он забыл тебя, Матолч, – ответила Эйдерн. – По крайней мере, в этом образе.

Матолч-волк. Изменяющий форму.

Он усмехнулся.

– Сегодня вечером – Шабаш, – сказал он. – Лорд Ганелон должен быть готов к нему. Однако это дело Медеи, а она интересуется, проснулся ли Ганелон. Раз он проснулся, то можем пойти к ней прямо сейчас.

– Ты пойдешь с Матолчем? – спросила Эйдерн.

– Почему же нет, – ответил я.

Рыжебородый усмехнулся.

– А ты действительно забыл, Ганелон. В добрые старые времена ты никогда не допустил бы, чтобы я шел за твоей спиной.

– Но ты был всегда достаточно умен, чтобы не вонзить в эту спину кинжал, – ответила Эйдерн. – Если бы только Ганелон позвал Ллира, для тебя бы это добром не кончилось!

– Я просто пошутил, – небрежно сказал Матолч. – Мой враг должен быть достаточно силен, прежде чем я стану с ним считаться, так что я подожду, когда к тебе вернется память, лорд Ганелон. А тем временем Совет приперт к стенке и мы нуждаемся в тебе так же сильно, как и ты в нас. Так ты идешь?

– Иди с ним, – сказала Эйдерн. – Опасности нет, рычание волка не страшнее его клыков.

Мне показалось, что я уловил скрытую угрозу в ее словах. Матолч пожал плечами и отодвинул портьеру в сторону, пропуская меня вперед.

– Мало кто осмеливается угрожать оборотню, – сказал он через плечо.

– Я осмеливаюсь, – сказала Эйдерн из-под тени своего капюшона.

И я вспомнил, что она тоже была мутантом, хотя и не ликантропом, как рыжебородый, шедший рядом со мной по коридору.

Кто же была Эйдерн?

4. Матолч и Медея

Я до сих пор был все еще как в тумане. Я никак не мог понять – наяву это все творится со мной или нет. Шок притупил мои чувства, я не мог как следует думать. Самые обыденные мысли переполняли мой мозг, как будто концентрируюсь на самых повседневных чувствах, но я не мог не обращать внимания на то, что находился не на привычной, твердой, родной Земле.

Но странная вещь. Что-то знакомое было в этих сводчатых залах с бледными стенами, мимо которых я шел рядом с Матолчем, такое же знакомое, как и в сумеречном лесном пейзаже, простиравшемся до горизонта, который я увидел из окна моей комнаты.

Эйдерн, Медея, Матолч, Совет.

Эти слова были важны, как будто я когда-то знал их хорошо на чужом языке, который потом забыл.

Подпрыгивающая походка Матолча, легкий размах его мускулистых плеч, свирепая улыбка полных губ из-под рыжей бороды – все это было не ново для меня.

Он пристально наблюдал за мной своими желтыми глазами. Внезапно он остановился перед красной портьерой и, заколебавшись, откинул ее, приглашая войти.

Я сделал шаг и остановился, глядя на него.

Он кивнул головой, как будто был чем-то доволен. Но лицо его так и не изменило своего вопросительного выражения.

– Значит, ты все-таки кое-что помнишь? Достаточно, чтобы понять, что это не комната Медеи? И все-таки войдем сюда на минуту. Я хочу поговорить с тобой.

Следуя за ним по винтовой лестнице, я внезапно понял, что он говорит не по-английски. Но я понял его так же, как понимал Эйдерн и Медею.

– Ганелон?

Мы очутились в застекленной комнате-башне. В дымном воздухе неприятно пахло, и угли еще дымились на жаровне-треножнике, стоявшем в самом центре комнаты. Матолч указал мне на кресло рядом с окном. Сам он небрежно уселся рядом.

– Интересно, много ли ты помнишь? – сказал он.

Я покачал головой.

– Совсем немного. Но достаточно... чтобы не совсем доверять.

– Значит, искусственные воспоминания землянина все еще сильны. Гаст Райми сказал, что рано или поздно ты все вспомнишь, но что на это потребуется время.

Как икона, – подумал я, – одна запись на другой. Но Ганелон все еще был чужим, я оставался Эдвардом Бондом.

– Интересно, – сказал Матолч, мрачно глядя на меня. – Ты много лет провел в ссылке, не поменялся ли ты целиком. Раньше ты всегда... ты ненавидел меня, Ганелон. Скажи, ты ненавидишь меня сейчас?

– Нет, – сказал я. – По крайней мере, не знаю. Мне кажется, что я тебе не доверяю.

– У тебя на это есть причины. Если ты вообще хоть что-то помнишь. Мы всегда были врагами, Ганелон, хотя и зависимыми один от другого нуждами и законами Совета. Должны ли мы быть врагами и дальше?

– Это от многого зависит. Я вовсе не хочу иметь врагов – особенно здесь.

Матолч нахмурил свои рыжие брови.

– О, это не речь Ганелона! В старые добрые времена тебе было все равно, сколько врагов у тебя будет. Если ты изменился настолько, то нас всех может ожидать большая опасность.

– Я ничего не понимаю, – сказал я. – Я почти ничего не понимаю из того, что ты говорил. Все это похоже на сон.

– Это хорошо. Если ты снова станешь старым Ганелоном, мы опять будем врагами. Но если ссылка на Землю изменила тебя – мы еще можем стать друзьями. Друзьями быть лучше. Медее это не понравится, не думаю, что и Эйдерн будет в восторге. А что касается Гаста Райми...

Он пожал плечами.

– Гаст Райми... стар, очень стар. Во всем Темном Мире, Ганелон, ты имеешь больше всех власти. Или можешь иметь. Но это будет означать, что надо идти к Кэр Ллиру.

Матолч остановился и посмотрел мне в глаза.

– Раньше ты понимал, что это означает. Ты боялся, но ты хотел власти. Однажды ты уже был у Кэр Ллира и посвятил себя ему. Так что между вами установилась связь, правда, еще несовершенно, но ее можно закрепить, если ты этого захочешь.

– Что такое Ллир? – спросил я.

– Молись, чтобы никогда не вспомнить этого, – сказал Матолч. – Когда Медея будет говорить с тобой, бойся, когда она заговорит о Ллире. Я могу быть другом или твоим врагом, Ганелон, не ради моего собственного благополучия, а ради благополучия Темного Мира, и я предупреждаю тебя: не ходи к Кэр Ллиру, как бы ни просила тебя Медея, и что бы ни обещала. По крайней мере, подожди, пока твоя память не вернется к тебе.

– Что такое Ллир? – повторил я вопрос.

* * *

Матолч отвернулся от меня.

– Я думаю, Гаст Райми это знает. Я не знаю. И не хочу знать. Ллир это... это... он всегда голоден. Но его аппетит может удовлетворить лишь... лишь...

Он замолчал.

– Ты забыл, – сказал он через некоторое время. – Одно меня смущает. Скажи, а как вызвать Ллира, ты тоже забыл?

Я не ответил. В голове моей была давящая пустота, как будто старые воспоминания проносились наружу и никак не могли вырваться.

Ллир – Ллир?

Матолч кинул на жаровню щепотку порошка.

– Можешь ли ты вызвать Ллира? – спросил он, и голос его был вкрадчив. – Отвечай, Ганелон, можешь?

Неприятный запах дыма стал сильнее. Пустота в моей голове как бы раздвинулась, открывая путь непонятной тени. Я узнал этот смертельный запах.

Я встал, глядя на Матолча. Я сделал два шага и одним ударом ноги опрокинул треножник. Угли рассыпались по каменному полу. Рыжебородый вздрогнул от неожиданности и посмотрел на меня.

Я вытянул руку, схватил Матолча за тунику и затряс с такой силой, что зубы его застучали друг о друга. Жаркая ненависть переполняла меня.

Чтобы Матолч пытался меня обмануть!

Какой-то незнакомец разговаривал моим языком. Я слышал, как я говорю.

– Оставь свои заклинания для рабов и проституток! – рычал я сквозь стиснутые зубы. – Я скажу тебе, что желаю сказать, и не больше! Жги свои зловонные травы в другом месте, а не в моем присутствии!

Рыжебородая челюсть сжалась. Желтые глаза запылали пламенем. Матолч изменился в лице, его плоть потекла как вода, еле видная в облаках дыма, поднимающихся от валяющихся углей. Желтые зрачки угрожали мне из серого тумана. Меняющий форму издал нечленораз-

дельный звук своим горлом – звук, который мог издать только зверь. Волчий рык! Морда волка глядела на меня!

Дым рассеялся. Иллюзия!? – проходила. Матолч, обычный человек, расслабился и осторожно высвободился из моего захвата.

– Ты... ты напугал меня, лорд Ганелон, – спокойно сказал он. – Но я думаю, ты ответил на мой вопрос, даже если эти травы, – тут он кивнул на опрокинутый треножник, – не помогли тебе освежить память.

Я отвернулся и пошел к двери.

– Подожди, – сказал Матолч. – У меня есть одна твоя вещь, которую я забрал у тебя недавно.

Я остановился.

Рыжебородый подошел ко мне, держа в руках оружие – шпагу без ножен.

– Я забрал ее у тебя, когда мы проходили сквозь Огонь Нужды, – сказал он. – Она твоя. Я взял оружие и вновь двинулся к задернутому портьерой входу.

Позади меня Матолч заговорил.

– Мы еще не враги, Ганелон, – мягко сказал он. – И если ты мудр, ты не забудешь моего предупреждения. Не ходи к Кэр Ллиру.

Я вышел, держа в руках шпагу, я торопился, спускаясь по винтовой лестнице. Мои ноги несли меня сами. Оккупант в моем мозгу все еще был силен. Запись на иконе и письмо на ней становились заметнее, проявляясь как бы под воздействием сильного растворителя.

Верхняя запись, из-за которой я потерял память. Своя запись – настоящие воспоминания.

Замок – откуда я знал, что это замок? – был лабиринтом. Дважды я проходил мимо солдат, стоящих на страже, со знакомой тенью страха в глазах – тенью, которая, мне казалось, углублялась при моем появлении.

Я продолжал идти вперед, торопливо проходя бледно-янтарный зал. Я откинул в сторону золотистую портьеру и ступил в овальную комнату со сводчатым потолком, обитую бледным шелком. Журчал фонтан и легкий ветерок коснулся моей щеки. За комнатой арка выхода была оплетена ветвями с листьями.

Я прошел сквозь арку. И оказался в саду, окруженном стенами. В саду было множество экзотических цветов и причудливых деревьев.

Цветы сверкали как драгоценные камни на фоне темной зелени. Рубины и аметисты, прозрачные и молочно-белые, серебряные, золотые, изумрудные – цветы расстилались невиданным по красоте ковром. Деревья тоже не были безжизненными. Искривленные и могучие, как дубы, их толстые сучья и ветви были покрыты облаком зеленой листвы. Зеленый занавес угрожающе зашевелился. Деревья распрямылись в ожидании. Я увидел, как черные сучья искривились и медленно потянулись ко мне... И расслабились. И снова стали неподвижны. Они узнали меня!

Над этим злым садом темное небо резко контрастировало со сверкающим на нем солнцем.

Деревья снова зашевелились.

Какое-то беспокойство охватило зелень. Змееобразная ветка изогнулась и быстро выпрямилась – ударила – и вновь стала на место.

В том месте, где она только что была, показалась фигура человека, бегущего вперед, уворачивающегося и кидающегося из стороны в сторону под страшными ударами, обрушивающимися на него со всех сторон со стороны леса-сторожа.

Человек в плотно облегающем фигуру коричневом костюме бежал ко мне.

Его суровое бесстрашное лицо кипело возбуждением, на нем было написано нечто вроде победного выражения. В руках у него не было никакого оружия, но к поясу был пристегнут пистолет, или нечто очень похожее на него.

– Эдвард! – сказал он настойчиво, стараясь говорить тише. – Эдвард Бонд!

Я узнал его. Не его именно, конечно, но я уже видел убегающие, одетые во все коричневое или зеленое фигуры, и ненависть, которую я уже один раз испытал с Матолчем, волной прокатилась по мне при виде него.

Враг! Выскочка! Один из многих, кто сумел воспользоваться волшебством против лорда Ганелона, великого лорда Ганелона!

Я почувствовал, как волна гнева заливает краской мое лицо, кровь застучала в моих висках с такой силой, с такой необычной незнакомой мне яростью, что другому мне стало страшно. Мое тело напряглось в позе Ганелона – плечи назад, грудь выставлена вперед, презрительная улыбка на губах, подбородок высоко поднят. Я услышал, как мой голос сыплет проклятиями на языке, который я не помнил, но понимал. И я увидел, как он отступил назад, и неверие было написано на его лице. Рука его потянулась к поясу за оружием.

– Ганелон? – заикаясь произнес он, пытаясь поймать своими глазами мой взгляд. – Эдвард, ты с нами или ты опять стал Ганелоном?

5. Ведьма в алом

В правой руке я все еще сжимал шпагу. Вместо ответа я с ненавистью сделал выпад. Он отпрыгнул назад, оглянулся через плечо и вытащил свое оружие. Я проследил за его взглядом и увидел другую фигуру, скользющую меж цепляющихся деревьев. Она была меньше и изящнее – девушка в тунике цвета земли и леса. Ее черные волосы ниспадали на плечи. Она держалась за свой пояс, и лицо ее было повернуто ко мне и искажено ненавистью, а зубы обнажены в страшной улыбке.

Человек, стоящий передо мной, что-то говорил.

– Даже если ты Ганелон, ты помнишь Эдварда Бонда! Он был с нами – он верил в нас! Выслушай нас, пока еще не поздно! Арис сможет убедить тебя, Эдвард! Иди к Арис. Даже если ты Ганелон, разреши отвести тебя к Арис!

– Это бесполезно, Эрту, – раздался тоненький голос девушки.

Она боролась с последним из деревьев, чьи ветви обхватили ее и никак не хотели отпустить. Ни один из них не пытался теперь говорить тише. Они кричали, и я знал, что в любую минуту могут появиться стражники, а я хотел убить их обоих сам, прежде чем кто-нибудь отберет у меня это удовольствие. Я жаждал крови этих людей, и в этот момент имя Эдварда Бонда не было даже воспоминанием.

– Убей его, Эрту! – вскричала девушка. – Убей его или отойди с дороги. Я знаю Ганелона.

Я поглядел на нее и крепче обхватил эфес моей шпаги. Да, она говорила правду. Она знала Ганелона. И Ганелон знал ее и смутно помнил, что у нее были причины ненавидеть его. Я видел это лицо раньше, искаженное ненавистью и отчаянием. Я не помнил где, когда и почему, но она выглядела знакомой.

Человек, называемый Эрту, неохотно вынул пистолет. Для него я все еще был, по крайней мере, образом его друга. Я торжествующе рассмеялся и снова взмахнул своей шпагой, слыша, как она со свистом рассекает воздух. На этот раз я не промахнулся, и на человеке показалась кровь. Он снова отступил назад, подняв свое оружие так, что я глядел прямо в черное дуло.

– Не принуждай меня к этому, – сказал он, сжав зубы. – Это пройдет. Ты был когда-то Эдвардом Бондом – ты станешь им вновь. Не вынуждай меня убить тебя, Ганелон!

Я поднял шпагу, видя все как в тумане, сквозь красную пелену ярости, застилавшую мозг.

Я торжествовал, сам не зная почему. Перед глазами уже стояла картина фонтана крови, хлынувшей из его перерезанных артерий, когда моя шпага опустится.

Я напряг свое тело для последнего, решительного удара! Вдруг моя шпага стала живой и затрепетала в моих руках. Невозможно – я даже не могу описать, как это произошло – мой удар возвратился ко мне же. Вся та сила удара, которую я подготавливал для противника, внезапно прошла по шпаге, по моей руке, по всему моему телу. Сильнейшая боль и шок, мне показалось, что сад вокруг меня завертелся. Земля стремительно приблизилась и больно ударила меня по коленям.

Кровавая пелена спала с моих глаз. Я все еще был Ганелоном, но Ганелоном оглушенным чем-то более могущественным, чем простой удар.

Я стоял на коленях на земле, опираясь на траву одной рукой, чувствуя сумасшедшую боль в пальцах другой руки, ранее державшей шпагу, которая валялась на траве ярдах в пятнадцати от меня и светилась призрачным светом.

Это было делом рук Матолча – я знал это! Мне нельзя было забывать, как мало можно было доверять этому хитрому, скользкому оборотню! Я применил к нему силу, силу физическую, наиболее оскорбительную для него, в его комнате, в башне, и мне следовало знать, что он отомстит. Даже Эдвард Бонд, каким бы мягкотелым дураком он не был, должен был дважды подумать, прежде чем взять дар из рук оборотня!

Правда, сейчас у меня не было времени злиться на Матолча. Я глядел в глаза Эрту, его лицо становилось все решительнее, и я понял, сейчас раздастся выстрел.

– Ганелон! – сказал он почти шепотом. – Истребитель! – палец его начал надавливать на курок.

– Подожди, Эрту! – вскричала тонким голосом девушка позади него. – Подожди, дай мне!

Я поднял голову, все еще оглушенный. Все произошло так быстро, что девушка еще не успела выбраться из охвативших ее деревьев и освободилась лишь в тот момент, когда я поднял голову. Она направила на меня свое оружие. За черным дулом пистолета ее лицо было белым как снег и искаженным ненавистью.

– Дай мне! – вновь закричала она. – Это будет отдача моего долга ему!

Я был беспомощен. Я знал, что даже на таком расстоянии она не промахнется. Я видел ярость в ее глазах, видел, как дуло чуть-чуть трясется, потому что руки ее тоже дрожали от ненависти, но я знал, она не промахнется. В это мгновение передо мной пронеслись отдельными сценами и жизнь Ганелона, и жизнь Эдварда Бонда.

Затем шипение, громкое шипение, похожее на змеиное, но неизмеримо сильнее, послышалось за ее спиной. Деревья стали наступать с такой быстротой, которую невозможно было от них ожидать. Шипение усилилось. Эрту прокричал что-то невнятное, но я думаю, что девушка была слишком расстроена, чтобы могла что-нибудь слышать и видеть.

Она так и не узнала, что произошло. Она могла лишь чувствовать, как ломаются ее кости от могучего удара ближайшего сука, первым дотянувшегося до нее. Она выстрелила в самый момент удара, и раскаленная молния расплавила почву у меня под ногами. Я почувствовал запах горелой травы и торфа.

* * *

Девушка успела вскрикнуть только один раз, когда ветки обвились вокруг нее. Потом до меня отчетливо донесся хруст, который я неоднократно слышал в этом саду. Человеческая спина не более чем соломинка в объятиях могучих веток.

Эрту остолбенел, но всего лишь на мгновение. Затем он быстро повернулся ко мне, и на сей раз я знал, что он спустит курок без колебаний.

Но время лесных жителей истекло. Он не успел еще полностью повернуться ко мне, как из-за моей спины донесся смех, холодный, язвительный. Я увидел, как страх и ненависть скользнули по лицу Эрту, и как он отвел от меня свой пистолет и направил его вверх, на кого-то стоящего за мной, но прежде чем он успел нажать курок, нечто вроде стрелы белого цвета вылетело из-за моего плеча и ударило в грудь, чуть выше его сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.